

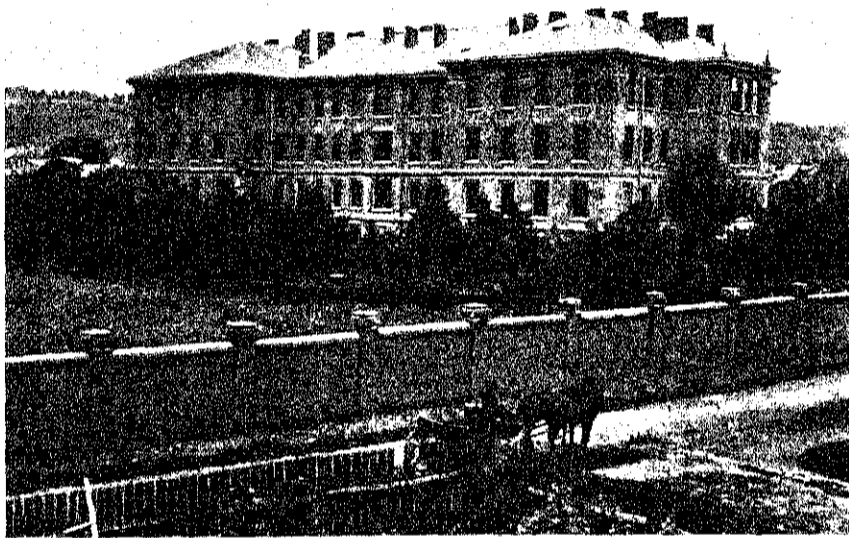
ЖИВНА

№ 17. Выходит еженед. (52 № в годъ), съ прилож. 40 кн. „Сборника“, содержи. соч. Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА, И. А. БУНИНА, А. И. КУПРИНА И М. МЕТЕРЛИКА, 12 кн. Литерат. и попул.-научн. прил., 1 Генер. карта средн.-европ. и южн. театра воен. дѣйств., 12 карт. „Новѣйшихъ модъ“ и 12 лист. карт. и выкр. Выдастъ 25 апрѣля 1915 г. Подписная цѣна съ дост. и перес. на годъ—8 р., на 1/2 года—4 р., на 1/4 года—2 р. Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Содержаніе. Т Е К С Т Ъ: Дневникъ военныхъ дѣйствій. К. Шумскаго.—Голосъ отрезвѣвшей Россіи. (Вопросы внутренней жизни).—Въ величіе дня. Стихотвореніе Зои Бухаровой.—На бронированномъ автомобилѣ. Разсказъ офицера. Сергѣя Маньча.—Въ засадѣ. Разсказъ Н. Симбирскаго.—Клубъ чудо-богатырей. Разсказъ И. Межовыхъ.—Заклинаніе меча. Стихотвореніе Д. Кокочова.—Ликвидация турецкаго набѣга въ Чорохскій край.—Бояринъ Лопухъ. Разсказъ Бориса Садовскаго. (Окончаніе).—Англичане. Очеркъ К. Чуковскаго. (Окончаніе).—Завлеченіе.—Объявленіе.—Отказъ войны.

РИСУНКИ: Въ Перемышлѣ (8 рис.).—Прѣбываніе Великаго Князя Георгія Михайловича въ дѣйствующей арміи.—Генералъ Добротинъ, герой Лупкова.—Объѣздъ позиций.—Похороны офицеровъ, убитыхъ на бронированныхъ автомобиляхъ.—Автомобильную роту перевозятъ по желѣзной дорогѣ.—Автомобильная лупка въ походѣ.—Телефонъ на батарее въ наблюдательномъ пунктѣ.—Польскіе крестьяне переносятъ раненыхъ.—Команды на открытой воздукѣ.—На казвѣзскомъ фронтѣ (4 рис.).—Германскій минометъ.—Тяжелая батарея во время боя.—Первая перевязка на полѣ сраженія.—Бивушки на сторожевкѣ.—Передъ отравленіемъ въ карауль.—На позиціяхъ (3 рис.).—Никетъ у мельницы.—Развѣдочная служба въ нашей арміи (5 рис.).—Походная церковь, сооруженная солдатами изъ сломанныхъ вѣтвей.—У братской могилы по дорогѣ въ Опатову.—Братскія могилы павшихъ гренадьеръ.—Часовой съ подчаскомъ.—Врабывшіе на позицію солдаты.—На позиціи.—Англіійскія сестры милосердія (2 рис.).—Англіійская милиція въ Южной Африкѣ.—Англіійскіе офицеры на позиціяхъ.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій И. А. Бунина“ кн. 5.

Въ Перемышлѣ. Домъ, въ которомъ содержались плѣнные русскіе офицеры.

тихъ и несомнѣнно ее въ первую голову ждутъ самыя серьезныя испытанія.

Австрійцы еще со времени Галицкаго сраженія находились въ весьма критическомъ положеніи, но то, что ихъ омидасть послѣ окончанія весенней распутицы, дѣлаеть это положеніе не только критическимъ, но прямо безвыходнымъ. Независимо отъ того, что наши войска занимають главные Карпатскіе перевалы и могутъ съ окончаніемъ тавнія сѣтговъ спуститься въ Венгерскую равнину, австрійцамъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, угрожаетъ опасность со всѣхъ сторонъ. Австрійцы должны ждать не только удара со стороны Карпатъ, но могутъ опасаться и сербскаго наступленія и, самое главное, выступленія Итали.

Хотя Италия продолжаетъ оставаться на внѣшне нерѣшительной позиціи, но, конечно, итальянцы не откажутся отъ тѣхъ задачъ, которыя они ставятъ себѣ весьма опредѣленно. Они заняли Албанію и этиаъ уже предпріяли вопросъ о судьбахъ Адриатическаго моря. Отнынѣ, владыя обѣими сторонами Отрантскаго пролива, они являются несомнѣнными хозяевами Адриатики, и такмаъ образомъ, короткимъ, мало замѣтнымъ движеніемъ, сразу разрѣшили свой споръ съ австрійцами о господствѣ на Адриатическомъ морѣ.

Однако у итальянцевъ имѣлись и имѣются

Дневникъ военныхъ дѣйствій.

К. Шумскаго.

Окруженная Австро-Венгрія.

Стратегическое затѣнше на восточномъ фронтѣ, вызванное наступленіемъ весенней распутицы, представляется, быть-можетъ, періодомъ болѣе важнымъ, чѣмъ періоды крупныхъ операций. Время этого затѣнша обѣ стороны несомнѣнно должны использовать для весьма серьезной подготовки, для весьма основательнаго накопленія силъ, должны произвести рядъ весьма важныхъ перегруппировокъ, и это само собою уже подразумевает неизбежность крупныхъ событій съ окончаніемъ половодья. Не даромъ говорится, что „войны выигрываются въ мирное время“, т.-е., что та подготовка къ войнѣ, которую каждая страна продѣлываетъ заблаговременно, уже предопредѣляетъ результаты будущаго вооруженнаго столкновенія. Одинаково и въ данномъ случаѣ, тѣ операции, которыя внѣшне будутъ вестись послѣ распутицы, но существу уже предпріяются нынѣшней подготовкой обѣихъ сторонъ въ періодъ самой распутицы. Поэтому и можно сказать, что весенніе итоги, весеннія побѣды зависятъ несомнѣнно отъ той подготовки, которая будетъ произведена въ теченіе апрѣльскаго половодья. Этимаъ и опредѣляется особенная важность всѣхъ тѣхъ скрытыхъ дѣйствій и передвиженій, которыя продѣлываютъ предварительно обѣ стороны.

Наиболѣе лихорадочной дѣятельностью занятъ австро-венгерскій генеральный штабъ, ибо изъ всѣхъ воюющихъ державъ положеніе Австро-Венгрии несомнѣнно хуже дру-

Въ Перемышлѣ. Австрійскія сестры милосердія — монахини (большою частью польки), ухаживавшія за плѣнными русскими офицерами.

Англичане.

Очерки К. Чуковского.

(Окончание).

V. Битва подь Монсомь.

— Развѣ это войны, это спортсмены! Имъ бы въ футболъ играть да на скачкахъ скакать, куда же имъ сражаться съ Германіей!—повторяла о британцахъ нѣмецкая пресса. — Къ тому же они наняты: получаютъ поденную плату, а какое же геройство у поденника!

Это говорилось въ то время, когда битвы подь Монсомь, на Маріѣ, на Энѣ уже изумили весь міръ!

Стоитъ перечитать хоть небрежно тѣ потрясающе-любопытныя письма, которыя пришли изъ-подь Менса отъ уцѣлѣвшихъ британскихъ солдатъ, чтобы преклониться почтительно предъ этими „презрѣнными футбольщиками“, сыгравшими свою роковую предсмертную партію съ такимъ героическимъ пафосомъ.

Битва подь Монсомь есть первая битва, въ которой приняли участіе британцы. Еще вчера эти нарядные войны въ щеголеватыхъ тужурочкахъ, въ комфортабельной изящной амуници, красовались предъ взорами восхищенныхъ французенокъ, которыя шумно и радостно приветствовали ихъ по пути, а сегодня они очутились въ аду. Вчера были ласки, улыбки, восторги, цветы, а сегодня внезапно, какъ миллионы взбѣшенныхъ быковъ, налетѣли на нихъ тевтонскія полчища, только-что растоптавшія Льежъ. Щеголеватые юноши въ изящныхъ тужурочкахъ, — ихъ было такъ мало, ничтожная горсть, а этому стаду взбѣшенныхъ быковъ не видно ни конца ни начала.

„И откуда они только брались! Слово изъ земли вырастали!“

„Гдѣ упадетъ одинъ, тамъ появляется сотня!“

„Казалось, безъ всякихъ снарядовъ и пуль они затоп-

Бивуакъ „на сторожевѣ“

Передъ отправленіемъ въ караулъ. Солдаты берутъ съ собою дрова, чтобы вскипятить воду.

Первая перевязка на полѣ сраженія.

чуть насъ однимъ сапожниками!“

Эти возгласы на тысячу разныхъ ладовъ варьруются въ каждомъ письмѣ. Впечатлѣніе неотвратимой громады, которая вотъ-вотъ обрушится, уничтожить, раздавить, пережить все до единого. И съ чѣмъ только ни сравнивается эта громада въ письмахъ британскихъ солдатъ!

„Нѣмцы накинудись на насъ, какъ лавина, какъ снѣжный обвалъ въ горахъ... Какъ громадная туча безъ конца, безъ начала... Какъ осенній рой... Какъ горохъ изъ мѣшка...“ Этими стереотипными фразами, повторяющимися въ каждомъ письмѣ, пытаются Джонсы и Джонсоны передать свое впечатлѣніе отъ встрѣчи съ несметными германскими сонмищами.

Это былъ лишь первый отрядъ англичанъ, остальные гдѣ-то задержались, замѣшканы.

Гибель была неминуема. Маленькой ли кучкѣ футбольщиковъ задержать взбѣленившихся буйволозовъ! Лучше бѣжать, или сдаться, а не то сотрутъ въ порошокъ! Но футбольщики не повели даже бровью, не вынули изо рта своихъ трубочекъ и грудью встрѣтили налетающую смерть.

А смерть налетѣла безумная:

„Сказать вамъ, что случилось съ моимъ полкомъ: на перекличку отозвалось только трое: я да еще двое раненыхъ“, — сообщаетъ Коксъ, рядовой.

„У насъ изъ 1.009 человекъ уцѣлѣло лишь 106 рядовыхъ да 3 офицера. Итого мы потеряли 900 человекъ“, — пишетъ кавалеристъ Аткинсонъ, и такія страшныя цифры — почти въ каждомъ тогдашнемъ письмѣ.

„Когда мы вступали въ траншею, насъ было 1.200, а когда мы покидали траншею, насъ осталось всего 60“, — сообщаетъ своимъ роднымъ рядовой В. Бокъ.

Тридцать пять, пятьдесятъ, восемьдесятъ, девяносто процентовъ погибло англичанъ въ два-три дня. Но они стояли въ этомъ аду, какъ желѣзные, не теряя ни на мигъ хладнокровія, методически-спокойно пострѣлывая, словно и не замѣчая того урагана, который опрокинуло и смяло все вокругъ, — словно это не кровавая схватка съ обезумѣвшимъ отъ ярости врагомъ, а мирное состязаніе въ стрѣльбѣ гдѣ-нибудь на ярмаркѣ, въ тирѣ, изъ-за грошевого приза. Этотъ флегматичный героизмъ британцевъ удивилъ и очаровалъ ихъ союзниковъ. По словамъ французъа Душена (M. Duchene), служившаго въ Верденскомъ гарнизонѣ, французы безъ конца повторяли: „Quels soldats! Ils sont magnifiques! Ils sont superbes!“

«Словно это пикник, а не бой! — пишет другой француз. — Мне казалось, что они улыбаются. Даже папироски не бросать. Поразительно их sang-froid под бешеным ливнем пуль».

Французы никогда не видали такой сверхчеловеческой стойкости.

«Все они герои — до единого. — пишет французский сержант. — И врачи у них герои, и офицеры герои, и нижние чины — до единого! Жаль только, что их было так мало в ту пору».

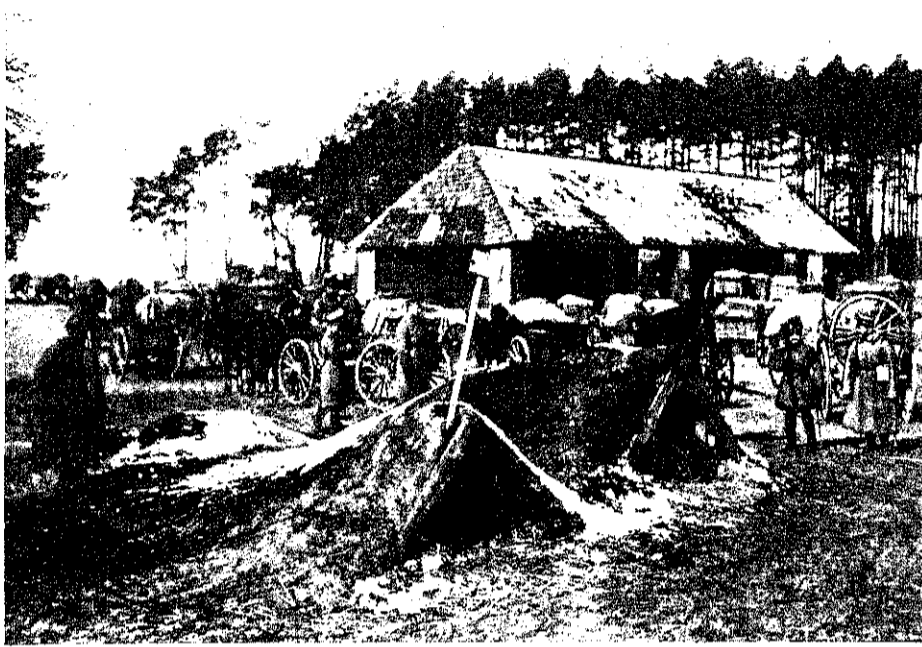
Сознание, что их было меньше, чем нужно, очень огорчает британцев. Нет письма, где бы не упоминалось об этом.

«Нмцев было двести пятьдесят тысяч, не меньше, а нас всего пятьдесят!» — читаем в одном письме.

«Одному против семи или восьми не легко!» — читаем в другом письме.

«Нмцы кинулись на нас цѣлой ордой: сто против одного!» — пишет сарьер Джордж Брайн.

Сто против одного — это, конечно, гипербола, вольно, впрочем, понятная при таких обстоятельствах, но десять против одного — близко к истине. Немудрено, что весь бой был отмечен множеством драматических сцен. «Я видел, как двое наших, окруженные нмцами, выбившими их из седла, прислонились друг к другу спиной и, обнажив шпаги, зарубили девять или десять врагов; по-

На позициях. Батарейные резервы.

На позициях. В резерве. Временная конюшня.

томь увидели мимобегущую лошадь без всадника, оба разом вскочили на нее и ухватились, — рассказывает кохлестримский гвардеец Уитнер. Только такая вдохновения удача, отвага, находчивости могли спасти эту кучку людей, окруженных развирпывлыми «ббшами».

Самоотверженность они проявили огромную. Вот весьма типичный эпизод, рассказанный солдатом-чеширцем: «Один из наших сержантов упал. К нему кидается наш капитан и хочет его поднять. Пуля попадает ему в ногу. Он тоже падает, рядом с сержантом, и мы думаем: кончено! Но он ползет и волочит за собою сержанта. Наши бросаются ему на помощь. Вы бы взглянули его ногу, когда он снял свой сапог! Вдребезги раздроблена, исковеркана!»

Это традиция у британских офицеров — спасать своих солдат, рискуя жизнью. Командующий английской эскадрой сэр Джон Джеллико, как известно, не раз бросался с корабля в океан, чтобы спасти тонущего матроса.

В битве при Монсе, к довершению ужаса, батареи британцев не всюду могли имь слу-

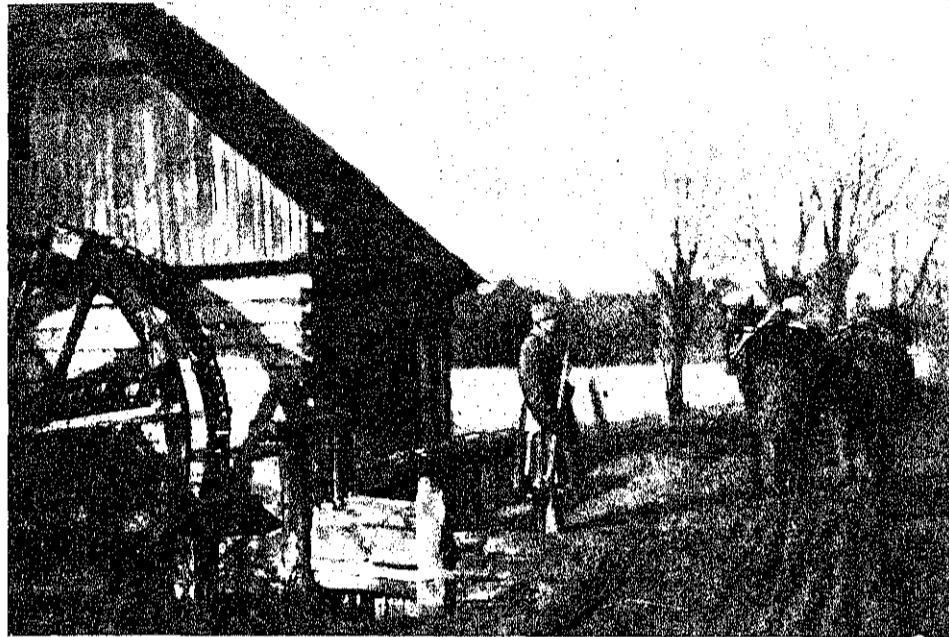
жить. «После трехчасового боя, — рассказывает один рядовой, — нмцы уничтожили все наши орудия. Вся артиллерийская прислуга была перебита, изранена, и мы должны были стоять под нмским огнем даже без возможности обороняться. Все воскресенье, и ночью и днем, нмцы осыпали нас параллелью. Когда мы вышли из сферы огня, оказалось, что одними убитыми мы потеряли трехсот человек, включая сюда четырех офицеров».

И все же они стояли, беззащитные, безоружные, обреченные на смерть, сжигаясь десятками, — и не уступили ни пяди. Когда-нибудь пивцы и поэты увяковчат их в патетических пьесах, а теперь попробуйте пережить все эти нервы хотя бы такой эпизод, рассказанный одним офицером в письме к своей матери из бельгийского госпиталя:

«Мы задерживали нмцев весь день, убивая их цѣлыми сотнями, когда к вечеру, в пятом часу, пришел приказ отступить. До нас этот приказ не дошел, и когда все отступило, мы остались одни-одиношеньки. Маленький английский островок среди безграничного моря германцев! Прикрывала нас от них железнодорожная насыпь, но нмцы взобрались на нее. Отступать было некуда, ибо наши, когда отходили, взорвали за собою мост. С одной стороны неприятель, с другой — широкий канал.

На позициях. В резерве. Ковка.

Пикет у мельницы

Надежды на спасение никакой. Мы рѣшили продать свою жизнь недорого, завинтили патроны, и на них! Солдаты поражали безстрашием, но падали под пулями, как кегли. Пуля попала мнѣ в правую руку, в которой я держал револьвер. Я выронил револьвер и был не в силах вытащить саблю. Вскорѣ другая пуля угодила мнѣ в ногу, в колено. Я упал, а мой отряд побѣжалъ дальше, на нѣмецкѣ. Что было потомъ, я не видѣлъ, но всѣ видѣвшие съ восхищеніемъ разсказываютъ объ этой геройской атацѣ. Жители мнѣ потомъ сообщили, что вокруг моста нашли до 5.000 убитыхъ нѣмцевъ и 60 англичанъ. Эти-то 60 человекъ и составляли почти весь мой отрядъ... Лежа на травѣ, я почувствовалъ, что весь рукавъ у меня полонъ крови. Кровь не просто сочилась изъ раны, а била, какъ говорится, фонтаномъ. Я понималъ, что мнѣ повредили артерію. Когда я лежалъ на землѣ, нѣмцы все время палили въ меня, желая прикончить раненаго, но одна пуля наткнулась на саблю, скользнула по ней и отскочила прочь, другая пуля влетѣла ко мнѣ въ карманъ, но, наткнувшись на какую-то жестянку, тоже не причинила вреда. Впоследствии я узналъ, что оба стекла въ моемъ биноклѣ тоже пробиты пулями..“

Выѣзжаютъ на развѣдку.

На развѣдкѣ.

рейный Гарлокъ свой удивительный подвигъ, за который его одновременно и прославили и разбранили жестоко.

Его ранило въ правую лѣжку, онъ отправился на перевязочный пунктъ. Докторъ перевязалъ ему рану и велѣлъ сейчасъ же, немедленно лечь въ лазаретъ. Гарлокъ сдѣлалъ видъ, что идетъ въ лазаретъ, а самъ бѣгомъ на свою батарею, къ орудію! Только-что успѣлъ зарядить, трахъ!—новый нѣмецкій снарядъ, новая рана въ спину. Онъ снова идетъ на перевязочный пунктъ, докторъ смотритъ на него съ изумленіемъ:

— Зачѣмъ же ты не пошелъ въ лазаретъ?

Гарлокъ объясняетъ, что не могъ отыскать лазарета, искалъ-искалъ, не нашелъ; ему даютъ проволочатаго, и докторъ говоритъ ему съ сердцемъ:

— Если могъ добраться до своей батареи, дойдешь и до лазарета, ничего!

Вышли они вдвоемъ съ санитаромъ. Гарлокъ ему говоритъ:

— Иди къ другимъ, я и безъ тебя обойдусь.

Когда тотъ ушелъ, Гарлокъ обернулъ смыслъ того, что сказалъ ему докторъ:

— Если могу до лазарета дойти, стало-быть, и до батареи дойду!

И опять замовылял кь орудію. Черезъ двѣ-три минуты нѣмецкій снарядъ раздробилъ ему правую руку. Снова онъ предсталъ передъ докторомъ. Наши офицеры не знали, бранить или хвалить его за это. Попробовали-было бранить, да языкъ не повернулся во рту. И дали ему орденъ Викторіи...

Такъ повѣствуетъ въ письмѣ товарищъ этого упрямаго героя. Я замѣтвую письмо изъ „Daily News“. Гарлокъ—но исключеніа, а правило. Такой духъ проникаетъ всю армію, и надо радоваться, что два миллиона Гарлокъвъ находятся вѣнѣ въ строю. Если въ началѣ кампаніи, когда ихъ численность была незначительна, они проявили столько сказочной храбрости, то теперь они совершаютъ чудеса. Теперь для нихъ нѣтъ невозможнаго. Теперь они покажутъ германцамъ, что такое британскій футболъ. Но и въ тѣ черныя дни, когда, казалось, ничто не могло спасти ихъ отъ рокового разгрома, у нихъ, кромѣ флегматической стойкости, проявилась другая великая сила, которая и помогла имъ безтрепетно вынести эту злую грозу. Эта сила называется юморомъ.

VI. Юмористы.—Спортсмены.

Не забудемъ, что это народъ юмористовъ, народъ-юмористъ, что Свифтъ, Гогартъ, Фильдингъ, Диккенсъ, Теккерей, Томасъ Гудъ и прочіе гены смѣха созданы этимъ народомъ; что и Джекобъ и Джеромъ К. Джеромъ—тоже его порожденіе. Весь міръ восхищается обликомъ незабвеннаго мистера Уэллера, каждое изреченіе котораго, вотъ уже семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ гомерическій хохотъ, а вѣдь этотъ простонародный мудрецъ есть подлинное воплощеніе тѣхъ самыхъ круговъ Альбіона, изъ коихъ и вербуются солдаты. Если бы на русскій языкъ были грамотно переведены „Три солдата“, очерки Редьярда Киплинга, то русскіе читатели знали бы, что нынѣшній британскій солдатъ по своей наклонности кь юмору есть достойный наследникъ Уэллера.

„Вѣкъ не видалъ я такихъ жизнерадостныхъ парней,—пишетъ изъ военнаго госпиталя полковой священникъ Татерсолъ.—Они даже въ госпиталѣ изумительно веселы. У этого вышибленъ глазъ, тотъ раненъ осколкомъ шрапнели, но все для нихъ—тринь-трава, пустяки; со смѣхомъ переносятъ всѣ ужасы“.

Салеръ Врэдди даже готовъ утверждать, что именно терзанія и муки вызываютъ въ солдатахъ веселость. Чѣмъ больше ужасовъ, тѣмъ они веселѣе,—на зло, наперекоръ этимъ ужасамъ. Смѣхомъ они побѣждаютъ печаль, юморомъ продолжаютъ страданія. „Я никогда не видалъ ихъ такими веселыми, какъ именно въ часы испытаній,—разсказываетъ этотъ сацеръ.—Въ окопахъ подъ непрерывнымъ огнемъ—шутки, пѣсни, анекдоты, концерты! Порою играемъ въ футболъ; роль мяча исполняетъ нѣмецкая каска. А то затѣваемъ пари: гдѣ разорвется ближайшій германскій снарядъ? Выигравшій получаетъ всѣ ставки“.

Въ каждомъ отрядѣ, въ полку, въ лазаретѣ, непременно найдется солдатъ, обладающій способностью смѣшнить. Счастливая способность, драгоценная! Тутъ она нужна въ всего. Эти полковые шуты выполняютъ великую функцію: они анестезируютъ боль, они облегчаютъ все тягостное.

„Есть у насъ шотландецъ, умора!—читаемъ въ одномъ письмѣ.—Роздалъ всю одежду бельгіякамъ, самъ остался голъ, какъ соколъ. А потомъ нарядился, для смѣху, въ юбочку шотландскаго гвардейца, напялилъ красныя французскіе штаны, пару бельгійскихъ сапоговъ, и къ довершенію эффекта завернулся въ уланскій плащъ“.

И вправду, должно-быть, былъ очень смѣшонъ этотъ попутайный, франко-нѣмецкій, шотландско-бельгійскій костюмъ, и, должно-быть, носившій его выступалъ въ немъ съ шутковскими ужимками, съ хватками природнаго комика, ибо солдаты надърывались отъ смѣха.

— Мы чуть не разорвались пополамъ,—разсказываетъ еержантъ Т. Кахиль о другомъ полковомъ шутникѣ.—Просто бока разболѣлись отъ хохоту. Ну жъ и весельчакъ этотъ Кленсъ! Окопачиваетъ нѣмчуру—первый сортъ! Взялъ вчера фуражку, нацѣпилъ на полѣно и поднялъ надъ окопомъ для забавы. Нѣмцы пошли палить, истратили тонны свинца, а онъ не переставалъ насъ смѣшнить.

Эти отдѣльные шутники и остряки выражаютъ общее настроеніе арміи. Всѣ письма въ одинъ голосъ свидѣтельствуютъ, что въ минуты высшаго боевого подъема англичане проявляютъ мальчишески-веселый задоръ и, словно состязаясь другъ съ другомъ, школьничаютъ, затѣваютъ проказы.

То они пишутъ на пушечныхъ одиннадцатидюймовыхъ снарядахъ:

„Привѣтъ изъ Англій!“

„Спеціально для кайзера!“

То на своемъ воинскомъ побѣдѣ дѣлаютъ начертаніе мѣломъ:

„Прямое сообщеніе съ Верлиномъ!“

То сочиняютъ экспромптомъ нескладную, но бойкую пѣсню про пляшущаго кайзера Вилли, которую тутъ же и распѣваютъ, приплясывая:

Пляши, коли пляшешь, Вилли,
Пляши впередъ и всячь,
Зови танцоровъ, Вилли,
Мы не устанемъ играть“ и т. д.

И все это неизмѣнно свидѣтельствуетъ о приспѣянномъ бра-дурно-мажорномъ „настройствѣ“, въ которомъ эти люди находятся.

Нѣсколько дней подъ рядъ нѣмцы аккуратно во время обѣда начинали палить по британцамъ:

— Чувствуютъ запахъ свинины!—объявляетъ веселый ирландецъ.—Такъ и тянетъ съ голодухи на съѣстное!

Пуля попадаетъ въ жестянку съ говядиной:

— Вотъ и отличис: не придется ее открывать. Самы нѣмцы, спасибо, откупорили!

— Все для нихъ шутка и смѣхъ,—разсказываетъ одинъ офицеръ.—Дождь-ливень, сплошная вода. Я говорю вѣговому:—„Ступай, приведи мнѣ коня!“—„Не прикажете ли, ваше благородіе, лодочку?“

Свои окопы, нѣрѣдко залитые дождемъ, они называютъ Нѣбъ до Лука, Венеціанскій каналъ, „Бусингемскій дворецъ“ и т. д. Задерживая наступленіе нѣмцевъ, ничтожная горсть англичанъ спряталась въ какой-то лавчонкѣ, осажденной со всѣхъ сторонъ непріятелемъ, и долго осыпала его выстрѣлами. Вдругъ начальникъ отряда, сержантъ, заприѣтилъ на верхней полкѣ нѣсколько шоколадныхъ плитокъ.—„Ребята,—сказалъ онъ,—за каждого нѣмца вы получите по шоколадѣ въ награду!“—и съ тѣхъ поръ послѣ всякаго удачнаго выстрѣла онъ неизмѣнно говорилъ: „получай!“ и при дружномъ одобрителномъ смѣхѣ швырялъ отличившемуся стрѣлку шоколадъ. „Увы,—заключаетъ свою повѣсть разсказчикъ,—немногимъ довелось послѣ боя отъѣдать эту сладкую награду. Немногіе остались въ живыхъ!“

Въ этой удалой захватской средѣ принято относиться къ своимъ личнымъ страданіямъ съ призрительной усмѣшкой, шутя. Этого тамъ требуетъ приличіе. Установился уже трафаретъ для описанія собственныхъ ранъ:

„Яшка Джонсонъ *) вожалъ мнѣ руку; отхватилъ мнѣ кусочекъ уха; провертѣлъ пять дырочекъ въ лѣвомъ плечѣ, двѣ—въ груди, семь въ голени, дожилину (мелкихъ) въ башкѣ, и множество—въ обѣихъ рукахъ; такъ что я цѣлые дни выколупывалъ отосковы осколки!“ („Daily News“, 22 декабря 1914).

Или вотъ сообщеніе о полученіи раны въ ступню:

„Въ день рожденія получилъ я подарокъ отъ кайзера“.

Такого ухарски-небрежнаго тона въ описаніи своихъ злоключеній требуютъ традиціи среды. Здѣсь юморъ, какъ и храбрость,—обязательны.

„Безъ юмора не смѣй и умереть!“—гласитъ неписанный солдатскій уставъ. Какъ раздражаетъ британскаго воина, что нѣмцы нечувствительны къ юмору! Нѣкій Томми какъ-то взобрался на иву нарѣзать себѣ явовыхъ прутьевъ. Раздался выстрѣлъ, но мимо. Томми и крикнулъ, багуясь:

— Промажнулся! Лѣвѣе возьми!

— Опять промахнулся! Правѣе!

Снова послышался выстрѣлъ, и Томми съ прострѣленнымъ черепомъ свалился съ ивы на землю. Нѣмецъ не отбѣнилъ его юмора. („Daily News“, 19 дек.) Такой духъ, заражающій всѣхъ. Раненому, падая въ окопъ, нужно непременно воскликнуть:

— Кайзеръ Билль укушилъ меня за ногу!

Или что-нибудь другое, въ этомъ родѣ. Я былъ пораженъ, читая въ Times'ѣ письмо знаменитаго англійскаго писателя Райдера Хаггарда о смерти его племянника, капитана Марка Хаггарда: тотъ въ свои предсмертныя минуты, видя неизбежную гибель, смѣялся—„смѣялся, пока не упалъ“ (10 октября 1914).

О такомъ же неожиданномъ смѣхѣ во время смертельной опасности разсказываетъ одинъ простодушный матросъ: „Тотчасъ же послѣ перваго выстрѣла мы смѣялись очень веселыми и смѣялись, пока не кончился бой“. Это не истерическій смѣхъ нервастениковъ, это просто душевный подъемъ здоровыхъ, безстрашныхъ людей. Они повѣствуютъ безхитростно: „мы стали прыгать, плясать, вдругъ изъ лазурнаго неба свалилась на насъ граната, и двадцать человѣкъ пали мертвыми“ („Эдкокъ“, стр. 63).

Смѣхъ и смерть! Смѣхъ надъ смертью! Смѣются, чтобы не плакать. Шутятъ, чтобы не кричать отъ отчаянія. О, не даромъ Пушкинъ приписалъ англичанамъ свою трагедію „Пиръ во время чумы“. Это чисто-англійское свойство! Въ этомъ-то и заключается юморъ, его естество, его сущность. Англичанинъ ненавидитъ отчаяніе; его величайшая радость—бороться съ собственной слабостью, побѣждать въ себѣ малодушіе, испугъ. Отсюда и возникъ его юморъ, этотъ смѣхъ, побѣждающій скорбь. Смѣхъ, побѣждающій смерть! Я, конечно, ни секунды не думаю, что всѣ эти солдатскія остроты удачны, что каждый Томми Аткинсъ есть Диккенсъ; мнѣ не важно, какъ они шутятъ: хорошо или плохо, остро или шлоко, мнѣ важнее самый фактъ: они шутятъ. Они поголовно охвачены юморомъ—и даже тѣ прозвища, которыя ими даются самымъ зловѣщимъ, путающимъ явленіямъ войны, свидѣтельствуютъ объ этомъ несокрушаемомъ юморѣ. Колоссальные снаряды германцевъ ими окрещены въ „Яшку Джонсона“, въ „Черную Машку“ и пр. А когда какой-то солдатъ, по фамиліи Пальмеръ, страдающій невралгіей лица, увидѣлъ издали Черную Машку и внезапно излѣчился отъ боли, вся армія стала величать это пугало: „Цѣлебное снадобье Пальмера“ (Palmer's Cure **).

*) Такъ фамильярно именуется англійскій солдатъ колоссальные снаряды германцевъ.

***) „Собраніе солдатскихъ писемъ“ Кильпатрика, стр. 34.

Предо мною цѣлая коллекція пѣсенъ, сочиненныхъ англичанами въ траншеяхъ на мотивы популярныхъ балладъ, и среди нихъ—ни одной торжественной или угрюмой, а все шутовскія и шуточные. Преобладаетъ, конечно, сатира, этотъ нарочито-английскій родъ пѣсенотворчества: сатира на кайзера Вилля, на полкового цырюльника, на дурно-испеченный хлѣбъ,—рѣшительно на всёхъ и на все. Жалоба смѣхотворства оказалась и тутъ. Но кромѣ того примѣчательно, что во множествѣ этихъ сатиръ одна бригада уязвляетъ другую, одинъ батальонъ уязвляетъ другой. Между ними какая-то вѣчная распря. То-есть не распря, а соревнованіе, споръ. „Беркирицы“ съ „Доркирицами“, „Сѣрые“ съ „Черными“, „Гордонцы“ съ „Кольдстримцами“—находятся въ неустанномъ соперничествѣ. Они состязаются въ подвигахъ, они стремятся затмить другъ друга безоглядово-лихими дѣлами. Можно подумать, что здѣсь соревнованіе спортивныхъ „командъ“ изъ-за какого-нибудь кубка. Вотъ еще британская черта: безъ спорта они не проживутъ ни минуты. Для нихъ это мировое побоище—какой-то грандіозный футболъ. Каждая

Передъ развѣдкой.

Наблюдатели.

схватка съ германцами неизмѣнно рисуется Аткинсу въ видѣ какого-то матча, иначе онъ не воспринимаетъ войну, и часто, описывая тѣ боевыя событія, въ которыхъ онъ участвовалъ лично, онъ сбивается на жаргонъ чемпиона:

„Нѣмцы проиграли пять партій, а у насъ ни одного проигрыша. Ихъ голкиперы слабы. Наши форварды держались молодцами. Главный же матчъ впереди.“ („Adcock“, p. 101).

Типичны и такія выраженія:
„У нѣмцевъ—ни малѣйшаго шанса. Я и мѣднаго фаринга (гроша) не поставлю за нихъ. Всѣ мои ставки—за французовъ и русскихъ“.

Всякія ставки, пари неизмѣнно сопутствуютъ спорту. Мы уже видѣли, что англичане подъ выстрѣлами держатъ другъ съ другомъ пари, гдѣ разорвется ближайшій нѣмецкій снарядъ. О томъ же повѣствуетъ майоръ, носящій громкую фамилію Шекспиръ. „Томми держатъ другъ съ другомъ пари на пятифранковую бумажку, что ближайшій снарядъ упадетъ тамъ-то и тамъ-то“,—читаемъ въ его письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ „Daily News“ (22 декабря 1914 г.).

Съ такимъ же спортивнымъ азартомъ

описываютъ англичане состязаніе аэроплановъ. Вотъ, напримеръ, письмо, которое могло быть написано только прирожденнымъ спортсменомъ:

„Изъ окоповъ мы на-дняхъ наблюдали воздушную дуэль между французомъ и нѣмцемъ. Интересно,—какъ гонка яхтъ! Французъ выдѣлывалъ разныя штуки, плелъ петли, кидался то вправо, то влѣво, пока не поднялся надъ нѣмцемъ. Совѣмъ, какъ скворцы: то одинъ наверху, то другой. Обмѣнивались револьверными выстрѣлами.“ („Daily News“, 10 ноября).

Другой солдатъ выражается такъ:
„Мы видѣли, какъ два аэроплана сѣпились надъ нами въ воздухѣ—зрѣлище очень захватывающее.“ („Daily News“, 16 ноября).

Это зрѣлище такъ захватило обоихъ, что оба забыли о страхѣ, хотя битва происходила надъ ними. Не чудилось ли имъ въ это время, что они сидятъ на трибунѣ и мирно наслаждаются Дерби? Поле битвы имъ всегда представляется въ видѣ арены, ристалища,—и это еще больше увлекаетъ ихъ въ бой. Прелестно письмо одного рядового: „жители Серрея могутъ гордиться: ихъ земляки, какъ въ крокетъ, такъ и въ сраженіи—первые. Не отступятъ, пока не выиграютъ“. Многие привезли изъ-за моря большіе мячи для футбола, пристегнутые къ тяжелому ранцу, и, даже идя въ атаку, не желали расстаться съ ними. Одинъ саперъ изображаетъ въ письмѣ, какъ англичане (ликольцы)

У Цейсъ-трубы.

Развѣдочная служба въ нашей арміи. По фот. нашего корреспондента.

Походная церковь, сооруженная солдатами из еловых вѣтвей. Подъ этой крестной сѣнью шлютъ войны къ Престолу Вышнему свои моления о дарованіи силъ на служеніе Престолу, Царю и Родинѣ.

играли въ футболъ подъ огнемъ и только тогда прекратили игру, когда сверху, съ нѣмецкаго „таубе“, было брошено нѣсколько бомбъ. Французы даже попеняли намъ дружески: „пу можно ли заниматься игрою, когда на голову падаютъ ядра“. („Daily News“, ноябрь).

Какъ бы то ни было, эта національная британская страсть, надъ которой въ Германіи было столько насмѣшекъ, чрезвычайно облегчаетъ для Аткинса тяжкое бремя войны. Своди всякій боевой эпизодъ къ привычнымъ и любимымъ формамъ спорта. Томми Аткинсъ не чувствуетъ себя новичкомъ на новомъ, малопытанномъ поприщѣ. Спортъ какъ бы окрыляетъ его, придаетъ замалчивую прелесть, увлекательность томительной военной страдѣ. Здѣсь какіе-то новые стимулы для жертвы, трудовъ и лишений. И такъ какъ въ британскомъ спортѣ главное — отнюдь не азартъ, а высоко-развитое социальное чувство, привычка къ дисциплинѣ и т. д., то ясно, что этимъ футболистамъ ихъ футболъ — не укоръ, а хвала: въ немъ ихъ сила, а вовсе не слабость, какъ почему-то полагали германцы, осыпавшіе въ своемъ „Симплициусѣ“ цѣлой тучей карикатуръ и насмѣшекъ эту „жюкейскую

Братскія могилы павшихъ гренадеръ.

У братской могилы по дорогѣ къ Опатову.

армію, вооруженную шарами и молотками отъ крокета, футбола, лаунъ-тенниса“.

Теперь такихъ карикатуръ уже нѣтъ.

VII. „Мы“.

Я упомянулъ о развитіи социальныхъ инстинктовъ. Пожалуй, это поражаетъ васъ больше всего, когда вы знакомитесь съ солдатскими письмами. Вы только вообразите такое: пишетъ юноша, почти мальчикъ, вчерашній ребенокъ, изъ самаго пекла войны, пишетъ своей матери-старухѣ, какой-нибудь мистрисъ Смитъ или Роджерсъ, которая гдѣ-нибудь въ Рѣдингѣ, въ Кардифѣ, въ Лидсѣ ждетъ его письма съ содроганіемъ, вскрываетъ это письмо въ полу-обморочѣ, — и что же: онъ — о себѣ ни полслова! Исписываетъ восемь страницъ разказами о какихъ-то бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ, а о себѣ позабылъ. И хотѣлъ написать, да забылъ! Онъ вѣдь давно уже забылъ о себѣ, пересталъ какъ-то себя замѣчать, давно потерялъ свое „я“, оно все растворилось, растаяло въ этихъ бригадахъ, батареяхъ, траншеяхъ... У него появилось взамѣнъ другое огромное слово: „мы“. Въ письмахъ английскихъ солдатъ это слово на каждой строчкѣ. „Мы взяли“, „мы разбили“, „мы прогнали“, — только о томъ и читаешь. Личность въ коллективѣ растворилась безъ остатка такъ полно, какъ еще не случилось въ исторіи. Впервые на нашей планетѣ со-

вершается въ такихъ огромныхъ размѣрахъ этотъ рѣдкостный психологическій опытъ. И впервые мы можемъ проверить его по множеству документальныхъ свидѣтельствъ, по этимъ драгоценнымъ солдатскимъ каракулямъ на замусоленныхъ измятыхъ лоскуткахъ, которыя для грядущихъ историковъ будутъ дороже всѣхъ Геродотовъ и Несторовъ!

Вотъ что пишетъ сынъ-солдатъ своей матери:

„Мы сражались два дня превосходно. Нашъ полкъ воевалъ геройски. Мы потеряли немного, но потери неприятеля страшныя. Наша бригада захватила до 400 плѣнныхъ...“ („Daily News“, 3 ноября).

„Мы“, „наша бригада“, „нашъ полкъ“ — здѣсь теперь весь его космосъ, но бѣдная старуха, мнѣ чудится, долго вертитъ это письмо, перечитываетъ, ищетъ по всѣмъ его уголкамъ: „гдѣ же сынъ говоритъ о себѣ?“ И не находитъ ни строчки! Ея сынъ такъ захваченъ своими бригадами, полками и дивизіями, что ему нужно большое усиліе, чтобы вновь обрѣсти свое „я“. Онъ можетъ писать только такъ:

„Разсказать вамъ подвиги нашего батальона — не хватитъ и цѣлаго дня, а что сдѣлала наша бригада, того и въ недѣлю не расскажешь. Я скажу лишь одно: мы отразили десятки атакъ отборнѣйшихъ Вильгельмовыхъ войскъ, и, какъ объявилъ намъ бригадный, французская линія осталась непрорванной только благодаря нашей стойкости. Мы съ честью поддержали доброе имя кольдстримцевъ“.

Вы замѣчаете здѣсь нотку похвалы, но вѣдь не собою же онъ похваляется, а своей бригадой, своимъ батальономъ, не себя онъ прославляетъ, а кольдстримцевъ. Честь кольдстримцевъ для него дороже своей. Въ этихъ письмахъ вы ежеминутно читаете:

„Нашцевъ было втрое больше, чѣмъ насъ, но, слава Богу, ливерпульцы ни разу не дали гѣмцамъ поблажки“.

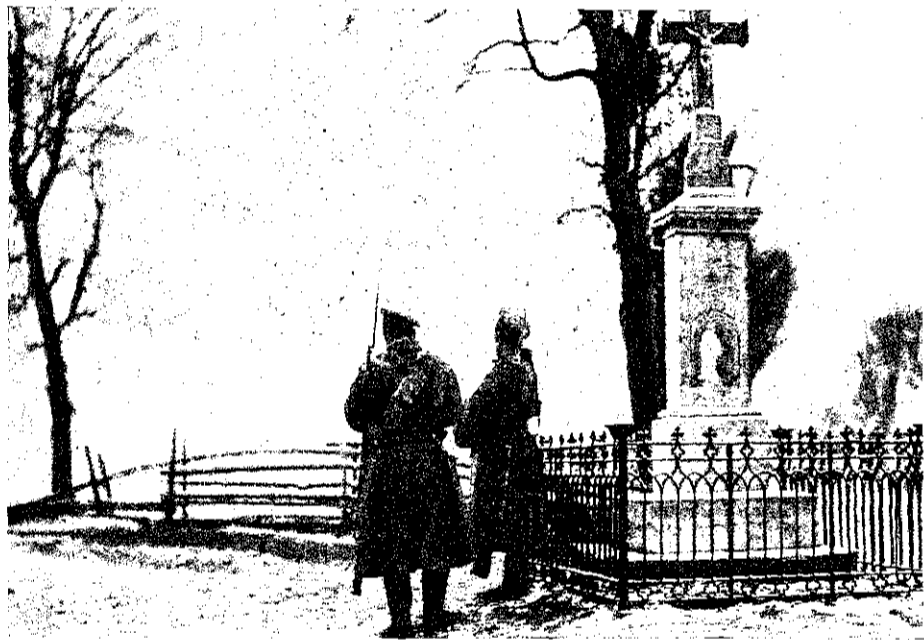
„Спросите у раненныхъ о подвигахъ нашихъ валлійцевъ. Они разскажутъ такое, что вы будете нами гордиться“.

Личное честолюбіе исчезло, замѣнилось корпоративнымъ, общиннымъ. Въ связи со своей бригадой, дивизіей, съ той или иной ячейкой арміи, человекъ уже не ощущаетъ себя. Онъ охотно отдастъ свою жизнь, лишь бы его возлюбленный полкъ, его regiment оказался не хуже другихъ. Иного честолюбія онъ не знаетъ, но это честолюбіе безгранично. Какъ онъ разсерженъ и обиженъ, если газеты по какой-нибудь случайной причинѣ не воздадутъ его полку должныхъ почестей:

„Генераль обсыпаетъ нашъ полкъ комплиментами, но я еще ни разу не видѣлъ, чтобы нашъ полкъ похвалили газеты, между тѣмъ какъ другіе полки удостоиваются похвалъ за такіа дѣла, которыя среди насъ заурядны“, — негодуетъ сержантъ Гаррисонъ.

прибывшіе на позицію солдаты.

Часовой съ подчаскомъ.

Рядовой Моди также задѣтъ за живое: „Вы говорите, что, читая газеты, вы въ нихъ не наткнулись ни разу на свѣдѣнія о нашихъ валлійцахъ. Но, чертъ возьми, мы бывали въ такихъ передѣлкахъ!“

Съ какой-то особенной вѣжностью говорятъ они о своемъ regiment'ѣ. Въ письмѣ одного капрала мнѣ понравилась такая строка: „луна озарила гѣмецкіе шлемы: мой милый, дорогой старый полкъ навинтилъ штыки и—на нихъ!“ Особенно гордятся эти люди, когда въ ихъ миломъ и дорогомъ regiment'ѣ окажется увѣнчанный герой.

„Въ нашемъ полку уже есть одинъ, награжденный орденомъ Викторій“, — радуется сержантъ Скартефильдъ, словно орденъ достался ему. Зато самъ-то получившій награду пишетъ своей матери такъ:

„Ты просишь, чтобы я написалъ о себѣ. Терпѣть не могу писать о себѣ“.

Вотъ если бы мать догадалась разспросить его о его возлюбленной бригадѣ, дивизіи, онъ прислалъ бы ей подробнѣйшій длинный отчетъ. Такихъ писемъ-отчетовъ въ моей коллекціи множество. Каждый матросъ съ упоеніемъ

на позицію.

писать о подвигахъ своего корабля, каждый рядовой о своихъ гордонцахъ, валлійцахъ, кольдстримпахъ.

Большинство этихъ солдатскихъ посланій сводится къ такой похвалѣ:

„Нашу батарею такъ и зовутъ: знаменитая. Знаменитая вторая батарея! Такое прозвище намъ далъ одинъ французскій генераль и два англійскихъ. У насъ самыя большія орудія: каждый снарядъ — три пуда“ и т. д., и т. д. и т. д.^(*)

Но не слѣдуетъ думать, что въ это солдатское „мы“ входятъ лишь полки да батареи, лишь мелкія ячейки корпусовъ. Напротивъ, никогда это „мы“ не было такъ широко и огромно: вѣдь оно охватило полмира—и Францію, и Бельгію, и насъ. Тростательно читать въ этихъ письмахъ, какъ радуется Томми нашимъ радостямъ, и какъ печалитъ его наши печали. Связавъ свою судьбу съ судьбою нашей арміи, нашего рядового Иванова, Томми заочно подружился съ Ивановымъ, сдѣлалъ его своимъ mate'омъ (товарищемъ) и участливо слѣдитъ за нимъ издали.

„Новопринедшій саперъ развеселилъ насъ разсказами о русской побѣдѣ въ Галиціи“, — читаемъ въ одномъ письмѣ.

^(*) Въ приведенномъ въ этой главѣ солдатскія письма заимствованы мною изъ газеты „Daily News“ за октябрь, ноябрь и декабрь 1914 года.

